

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The woman is on the left, her head tilted back and eyes closed in a blissful expression. The man is on the right, his face close to hers, with his hand gently resting on her shoulder. The background is dark, making the couple stand out. The overall mood is intimate and sensual.

серия
Сын священника

♥ #2

Вурвавшия
Джасинда Уайлдер

Секс с Трэ должен был отвлечь меня от нелегкой жизни, но, чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я понимала, что вовлекла себя в целый поток различных неприятностей. Проблема, видите ли, заключалась в том, что я высвободила страсть девственного сына священника, к которой никто из нас не был готов.

ГЛАВА 1

Встав с постели, я надела тонкий шелковый халат до колен с цветочным рисунком, который висел в ванной комнате. Крепко завязав его, я проверила, чтобы моя грудь была прикрыта. Я старалась, чтобы мое сердце не стучало в груди с такой же силой, как кулак пастора МакНэбба о входную дверь.

— Оставайся здесь, — сказала я Трэ.

Распахнув двери, я спросила:

— Чем могу помочь?

— Где мой сын?

Никакой вежливости, которой славилась южане, лишь суровый спрос, злобный блеск карих глаз и блестящий от пота подбородок.

— Чем я могу помочь вам, пастор МакНэбб? — пытаюсь успокоиться, повторила я вопрос.

— Я хочу знать, где мой сын!

— В этом случае, я не уверена, почему вы постучали в мою дверь. И если это все... — замолчала я, пытаюсь закрыть дверь.

Поймав рукой дверь, он попытался протиснуться мимо меня.

— Он здесь, женщина. Его грузовик стоит на подъездной дорожке. Я видел, как вы разговаривали вчера после проповеди. Не играй со мной в игры, только не касательно моего мальчика.

Брайан МакНэбб был в ярости, тыча пальцем мне в лицо.

— Прошу меня простить, пастор. Но это мой дом, и я не приглашала вас войти, — сказала я, оттолкнув его от двери. — Вам лучше сейчас же уйти. Я не обязана отвечать на ваши вопросы. Все опасения касательно местонахождение вашего сына не имеют никакого отношения ко мне.

Стоя в дверном проеме, его терпение было на исходе.

— Ты соблазнила моего мальчика, шлюха. Ты уничтожила его. Я знаю, что он там, в твоей спальне... твоим... твоим логове порока, — плюнув на пол себе под ноги, произнес он.

— Передай моему сыну, что ему больше не рады в моем доме. Скажи ему это, блудница. Он сделал свой выбор и ему придется с этим жить.

Я заметила, что его акцент, настолько тщательно развитый, чтобы казаться чарующим и ободряющим в деятельности проповедника, сейчас совсем изменился. Я наградила его холодным взглядом в надежде, что он не заметил, как пульсировала яремная вена на моей шее.

Что же я наделала?

— Пастор МакНэбб, вы перегибаете палку. Врываетесь сюда, в мой дом, обвиняете меня

и обзываете, публично отрекаетесь от сына, не имея на то никаких доказательств, не располагая фактами, кроме как увиденного автомобиля вашего сына у моей подъездной дороги, — произнесла я, тыча пальцем ему в лицо также, как он делал со мной. — Вы грубы, неотесанны и никак не желанный гость. Так что, будьте добры уйти. Немедленно.

Он обернулся и пошел прочь, остановившись лишь на тротуаре и еще раз взглянув мне в лицо, пастор сказал:

— Передай ему мои слова, миссис Харли. Я не шучу. Я знаю правду, как и ты. Так что скажи ему.

Я наблюдала, как он отъезжал прочь на своем гремящем темно-зеленом «Кадиллаке» и лишь потом захлопнула дверь. Трэ стоял вне поля зрения, на середине лестницы. Нет, он не плакал, но был явно в растерянности.

Подойдя ближе, я взяла его за руку и повела на кухню. Он был в одних джинсах, пуговицы на которых были расстегнуты, но молния так и оставалась закрытой, представляя взору накаченные V-образные мышцы пресса и темные завитки волос. Несмотря на серьезность ситуации, от которой, казалось, даже воздух между нами накалился, я чувствовала к нему прилив желания.

Он уселся на стул и казался таким одиноким, плечи поникли, когда он закрыл ладонями свое лицо.

— Что же я наделал? — произнес он. — Что я наделал?

Я положила руки ему на плечи, встав позади. Поцеловала между лопаток, чувствуя к нему такую нежность, которой у меня не должно было быть, не так скоро, не тогда, когда это должно было быть лишь...

Я замерла от мысли, которая прозвучала в голове, и поняла, что действительно не осознавала, какими могли бы быть эти отношения, когда пригласила его сюда. Просто знала, что хотела его, что провести день, занимаясь с ним сексом, будет иметь большое значение в моем понимании того, что я начала жизнь заново.

А сейчас, внезапно, я разрушила жизнь этому юноше.

— Ты сделал выбор, Трэ, — сказала я ему. — Я не знаю твоего отца, но он может изменить свое мнение. Если нет... Что ж, если он так легко откажется от тебя из-за одного принятого решения, как это, тогда возникает вопрос к его... не к его любви по отношению к тебе, а к его способности принять тебя таким, какой ты есть.

— Он не изменит своего решения, — ответил Трэ тихим, полным отчаяния голосом.

— Может, и нет, — вторила ему я. — Но, знаешь... если ты собираешься принимать в жизни свои собственные решения, то в какой-то момент вы бы все равно пришли к этому. Решись ты не делать того, что за тебя решил отец, он бы взбесился и сказал, чтобы в итоге ты делал то, чего сам хотел, но при этом не возвращался назад.

Трэ кивнул, потирая глаза.

— Угу, ты права. Он распланировал мою жизнь со дня моего рождения, и я никогда особо не противился этому. Работа в гараже давалась все эти годы с большим боем, с тех пор как я ему сказал, что не пойду в семинарию после школы. А теперь, что ж... не знаю, чем буду заниматься.

Я села на стул рядом с ним, отчего полы моего халата чуть разошлись.

— Ты сожалеешь об этом? — спросила его я. — Ты сожалеешь о том, что мы сделали вместе?

Ему потребовалось много времени, чтобы дать ответ, обдуманный и честный.

— Нет, не жалею, — ответил Трэ. — Я сделал выбор и не жалею об этом. Это был самый яркий опыт в моей жизни, и я не могу даже представить, что это было неправильно. Возможно, так и было, но мне плевать.

— Хорошо, — сказала я. — Мы разберемся с этим. И послушай, если ты решишь наладить отношения с отцом, я пойму. Я имею в виду, если тебе придется... перестать видаться со мной, чтобы решить этот вопрос, я все пойму.

Он посмотрел на меня понимающим взглядом зрелого мужчины. Казалось, он понял, насколько тяжело мне дались эти слова.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, так не пойдет, даже если бы я и хотел попробовать. Даже если бы я приполз к нему на коленях, умоляя простить меня, и пообещал никогда с тобой не видаться и выполнять все его приказы, он бы все равно это так не оставил. Это всегда будет стоять между нами.

Он повернулся ко мне лицом, расположив колени по обе стороны от меня, и прошелся взглядом по моему телу: от кончиков волос, которые были спутаны спросонья, по линии ключиц к грудям, которые выглядывали в вырезе халата, до промежности, которую он мог разглядеть, поскольку мои колени не были плотно сведены, а стопы упирались о перекладину стула.

— И что теперь? — спросила я. — Чего тебе хочется? Ты, несомненно, всегда можешь остаться здесь столько, сколько пожелаешь.

Он передернул плечами, показывая, что не знал ответа на вопрос, как и то, что ему было наплевать на все остальное, кроме настоящего.

— Не знаю. У меня нет здесь вещей, даже зубной щетки или сменных трусов. Я же не могу просто прятаться здесь и не выходить на улицу. — Он расплылся в улыбке, заигрывая со мной. — Хотя мне может понравиться прятаться от людей вместе с тобой...

— Но у нас у обоих есть жизни, которыми нужно жить.

Он кивнул.

— Ты же знаешь, что теперь все будут знать. Все будут обсуждать. Они уже этим занимаются, поскольку, должно быть, миссис Хэндерсон видела, как я ехал в эту сторону и обратно не возвращался. После ее дома располагается всего один, и она быстро сообразит и придет к тем же выводам, что и папочка.

Я скривилась.

— Не называй его так. Знаю, это присуще южанам, но для меня это кажется странным — взрослый мужчина называет своего отца «папочкой».

Трэ опять пожал плечами.

— Хорошо. — Он положил ладонь мне на бедро и начал поглаживать его вверх и вниз. — Сейчас мне плевать, что скажут люди. Знаю, что они будут сплетничать. Но мне все равно.

— Это твой дом, Трэ... и я просто хотела сказать: мне так жаль, что ты попал в беду из-за меня.

Он подвинулся ближе, продолжая поглаживать рукой мое бедро, от чего полы халата разошлись в стороны.

— А мне нет. Ты сама это сказала: этого и следовало ожидать, так или иначе. Это просто немного ускорило процесс.

Я сидела неподвижно, позволяя ему прикасаться ко мне, исследовать меня глазами и

руками. Когда его пальцы переместились на внутреннюю сторону бедра, я соскочила со стула и отошла от него подальше.

— Еще не время, — сказала я. — Для начала, нам нужно поесть. Знаешь, тебе нужны силы.

Он усмехнулся.

— Я голоден.

Потихоньку попивая кофе из своей кружки, я делала бутерброды, намазывая хлеб майонезом и накладывая кусочки сыра и ветчины, и заваривала ему кофе, пока он ждал. Затем мы насладились едой, заедая ее чипсами.

Казалось, он глубоко задумался, пока мы ели, и я толкнула его локтем.

— Что случилось, сосунок?

Он пожал плечами.

— Просто интересно. Почему ты не можешь иметь детей? Если ты не хочешь говорить об этом, я пойму. Просто интересуюсь.

Я сделала глубокий вдох и выдох.

— Это долгая история, Трэ. Она очень длинная, унылая и древняя. Когда-нибудь я поведаю тебе ее, обещаю. А сейчас, давай притворимся, что я болела, и некоторые мои органы перестали функционировать должным образом. Сейчас же я поправилась, и тебе не о чем беспокоиться.

Он кивнул.

— Ладно, расскажешь, когда будешь готова.

Мы поели, и я провела его наверх. В этот раз у меня было кое-что на уме. Я провела его в ванную комнату, сняла с себя халат и повесила его на вешалку. Включила душ, чтобы вода стала очень горячей, а сама помогала Трэ стянуть джинсы.

— Мне нужно в душ, — сказала я ему. — Леди необходимо привести себя в порядок после занятий любовью с ее мужчиной.

Трэ кивнул, пожирая глазами мое обнаженное тело, но держал руки при себе. Он уже был готов: его член стоял в полной боевой готовности, достигая пупка, пока он стоял передо мной в ожидании. Я заставила его ждать, получая наслаждение от отчетливо похотливого взгляда.

Он был чертовски сексуальным, когда стоял там с эрегированным членом в облаке пара, отчего его мускулы покрылись влагой и стали блестеть. В конечном итоге я зашла в душевую кабинку и жестом показала ему следовать за мной. Затем намочила волосы и отошла от лейки душа, поменявшись с Трэ местами, и стала наслаждаться тем, как его мускулы перекачивались, когда он намыливал волосы. Как только он закрыл глаза, чтобы смыть шампунь, я обхватила рукой его немного упавший член, и он вздрогнул от удивления, но затем расслабился. Его пенис сразу же стал твердым, и я засмеялась, взяла в руку немного мыла и начала намыливать его грудь.

— Мне нравится, что ты так быстро твердеешь, — проворковала я.

Я намыливала его всего и в то же время терлась о него мокрым от воды телом, он перехватил эту эстафету — забрал у меня мыло и стал намыливать ложбинку между грудей, затем круговыми движениями спустился к животу и с талии перешел на спину, затем склонился надо мной и, припав к моим губам, стал намыливать мои ягодицы: от центра к боковой части бедра.

Трэ терся бедрами о мой живот, желая поскорее войти в меня. Я же рукой

стимулировала его член, чтобы еще сильнее возбудить. Он прислонился к стенке душевой кабинки, а я опустилась на колени. Трэ посмотрел на меня сверху вниз, при этом откидывая голову назад. Я улыбнулась ему в ответ и лизнула головку пениса. Он со свистом глубоко вдохнул и закрыл глаза, когда я круговыми движениями большого пальца стала поглаживать головку, пока не выделилась смазка. Тогда я взяла его полностью в рот, так глубоко, насколько могла, и его пенис от желания пульсировал в моем горле. Несмотря на то, что я вобрала его в рот по самое горло, длины его члена хватало, чтобы еще и поработать руками, поэтому я обвила пальцы вокруг него. Другой рукой взяла его яички и, делая минет, стала поглаживать промежность между анусом и мошонкой — я вбирала его глубоко в рот, а затем полностью выпускала. Затем обхватив головку губами, я стала массировать пенис обеими руками. Трэ выгнул спину и его колени подкосились, когда он кончил. Он погрузил руки в мои отяжелевшие мокрые волосы и стал массировать мою голову, а я продолжала нанизывать свои губы на его член, пока он не застонал, вонзая член глубоко мне в рот и изливая в наслаждении сперму.

Я помогла ему сесть на дно душевой кабинки, вода продолжала стекать по нашим телам. Когда его дыхание восстановилось, Трэ посмотрел на меня вопросительным взглядом.

— Шия? Меня кое-что интересует. Раньше, когда мы были вместе, ты постоянно говорила трахнуть тебя, — в этот раз он произнес это слово практически без запинки, и я могла с уверенностью сказать, что он гордился собой. — Но ты только что сказала, что мы занимались любовью. Поэтому вопрос состоит в том, есть ли разница в твоём выборе слов?

Я встала помыть волосы и нанести на них кондиционер и решила ответить.

— Ну, это сложный вопрос и зависит от того, кому он адресован. Для меня обычно все зависит от обстоятельств. Раньше я просила меня трахать, чтобы задействовать непристойности. Я просто использовала... не знаю... думаю, чтобы вдохновить тебя. Чтобы ты понял: мне нравилось то, что ты делал. Но если говорить о наших взаимоотношениях в более широком смысле, то мне хотелось использовать другое слово. Я называю это занятием любовью или сексом, все просто. Если не в контексте секса, то мне не нравится называть это перепихоном, поскольку это звучит дешево или что-то в таком плане.

Трэ кивнул.

— Это имеет смысл. — Он опять замолчал, просто смотрел на меня с серьезным выражением лица. — Мы состоим в отношениях?

Я замерла. Я еще не была готова к такому разговору.

— Трэ, давай не будем пока что классифицировать наши отношения. Ладно? Я имею в виду, неужели так необходимо вместить все в аккуратные рамки? Ты мне нравишься, очень. Мне нравится проводить с тобой время, как только что или просто есть бутерброды, или заниматься с тобой любовью. Я хочу лучше узнать тебя, постичь неизведанное. Но... мне кажется, нам еще не нужны никакие ярлыки.

— Тогда это... свободные отношения? — Он пытался казаться беззаботным, светским.

Я обхватила ладонями его лицо и припала в долгом поцелуе.

— Нет, Трэ. Нет. «Свободные» значит, что мы можем встречаться с другими людьми, в смысле иметь отношения не только друг с другом. Я не этого хочу, и не это имела в виду.

Он кивнул от облегчения.

— Тогда, что ты имела в виду?

Как бы мне хотелось, чтобы он не был таким неотступным в этом вопросе, но не могла винить его.

— Не знаю. Как на счет честности? Я не знаю. Не знаю, чего хочу, кроме того, что хочу проводить с тобой время, хорошо?

Казалось, он понимал, что в некотором смысле давил на меня, поэтому кивнул, убрав мокрый завиток волос у меня со щеки.

Мы вышли из душа, вытерлись и завернулись в полотенца. Он проследовал со мной вниз на кухню и уселся, пребывая в ожидании. Мне показалось, он понял, что у меня было что-то на уме. Я взяла пару бутылок пива из холодильника и протянула ему, чтобы он их открыл. Он вопросительно изогнул бровь и свинтил крышки с бутылок.

— За то, что ты пробуешь в жизни новое... — сказала я, поднимая бутылку в тосте.

Мы стукнулись бутылками и сделали по большому глотку, намного большему, чем я ожидала. Это явно была его не первая бутылка пива.

— Мы с Джимми все время тырили пиво. Отец Джимми пил и не замечал, если мы что-то брали.

Мы пили пиво в гостиной, сидя на моем желто-коричневом замшевом диване и разговаривая до заката. Я рассказывала ему о своем детстве в качестве дочери пастора в Саванне, а он — о своих приключениях с другом Джимми: как они охотились, ходили на рыбалку, занимались диким туризмом и однажды безнадежно потерялись на два дня. Мы выпили по второй и третьей бутылке и тогда-то его язык начал слегка заплетаться. Да я и сама была порядком пьяна к тому времени, хотя никогда не была алкоголичкой.

Внезапно я его поцеловала. Он чуть не уронил свое пиво, затем нагнулся и поставил его на кофейный столик. Все это время мы были завернуты в полотенца, и я, стянув его с Трэ, отбросила полотенце в сторону. Он сделал то же с моим, а я толкнула его на диван, уложив на спину, умостила сверху и приподняла бедра, позволяя его пенису проникнуть глубоко в меня.

Все происходило медленно, мы двигали бедрами в медленном ритме, крепко прижимаясь друг к другу руками, а наши тела были словно сплетены воедино. Он старался двигаться степенно, даже если почти был готов кончить, заставлял себя успокоиться и продолжал свой размеренный темп, и я ощутила к нему глубокое чувство за эти усилия. Он все двигался и двигался, и когда оргазм подбирался к нему близко, а я еще не была готова, он замедлял свой темп, останавливался, сцеплял зубы и каждый мускул его тела напрягался от усилия воздержаться. Я замирала, пораженная его самоконтролем, силой, которая позволяла настолько себя контролировать, особенно когда оргазм был так близок.

Я кончила так интенсивно, кусая его за плечо, а он излился в меня, сжимая ладонями мои ягодицы и рыча от удовольствия.

В ту ночь мы снова и снова занимались любовью, в основном я была сверху, пока Трэ совсем не лишился сил, что не мог и пошевелиться, а у меня болело все тело. Когда наступил рассвет, мы оба крепко спали.

ГЛАВА 2

Трэ уверенно двинулся к входным дверям дома своего отца: руки покачивались, походка была легкой, спина прямой.

Он решил, что коль у нас был поздний завтрак... а потом соответственно и полдник будет поздним... то ему необходимо, в конце концов, хоть раз поговорить с отцом. Я согласилась, и все больше восхищалась его мужеством, ведь ему предстояло встретиться с

отцом лицом к лицу.

Я предложила пойти вместе с ним и выступить, так сказать, единым целым, так как это было трудным решением, но он отказался, сославшись, что это только между ним и его отцом, а я была ни при чем. Признаю: я немного успокоилась, пересела на пассажирское сидение своего грузовика и наблюдала за тем, как он шел. Я одновременно гордилась и боялась за него.

Больше всего я задавалась вопросом, куда, к чертям, приведут эти отношения. Я была в Язу всего две недели — и мне уже было скучно. Я была рада, что арендовала дом, а не купила, как собиралась. Если отношения с Трэ продолжатся, то в городе будет скандал века, а у меня не было желания оставаться и становиться пищей для сплетен.

Хотя, я не была уверена, что была готова взять с собой Трэ. Пока я ждала его, то снова и снова поневоле обдумывала все варианты.

Трэ вышел из дома примерно через час: каждая черта его лица была искажена гневом, и даже тяжелая поступь была пропитана агрессией.

— Ублюдок, — сказал он, садясь на водительское сидение. — Упрямый старый козел. Я не ждал чего-то другого, но все равно, это больно. И это меня бесит. Я так зол, что готов поколотить его, клянусь.

Не проронив ни слова, я взяла его руку и переплела наши пальцы. Ему не нужны были слова, лишь мое присутствие. Он позволил мне держать его за руку, пока ехал не в сторону моего дома, а куда-то за город, в направлении, которое я еще не изучила.

— Куда мы направляемся? — спросила я.

— Я думал, мы погуляем с Джимми. Я хочу познакомить вас. Он мой единственный настоящий друг и единственный человек, которому я не безразличен.

Тогда я поняла, что никогда не видела его матери, и не слышала, чтобы он говорил о ней.

— Что насчет твоей мамы?

Его плечи напряглись.

— Она просто... есть. Она не заступает за меня, не особо заботится. Я не знаю. Она просто есть. Это не так уж и важно.

Его акцент всегда становился более выразительным, когда он расстраивался. Я положила наши сплетенные пальцы себе на бедро и позволила ему вести машину в молчании. Иногда человеку просто нужно было выпустить пар.

Джимми Диксон был во всех отношениях противоположностью Трэ. Невысокий, толстый, с длинными темными засаленными волосами, затянутыми в хвост, Джимми оказался неплохим парнем, пожал мою руку и наградил оценивающим взглядом. Мы сидели в старом сарае, пили пиво и разговаривали, а Трэ, обняв меня рукой, сидел рядом и пытался вести себя обыденно.

Я решила ради Трэ немного показать себя. Он хотел произвести впечатление на своего друга, и я решила помочь. Когда мы допили наше пиво, я предложила выпить еще по бутылке, и, когда вернулась, то обошла их и села Трэ на колени, прислонившись к нему всем телом. Он посмотрел на меня и улыбнулся, показывая, что понял, чем я занималась.

Джимми отвернулся, и я увидела в его глазах мимолетную вспышку зависти.

Мы провели с Джимми весь день и отправились домой лишь после захода солнца.

Вместо того чтобы выйти со мной из машины, Трэ задержался в салоне автомобиля.

— Я съезжу забрать кое-какие вещи из дома... из дома моих родителей. Я вернусь чуть

позже.

Я согласилась, поцеловала его и попросила быть осторожным. Я видела гнев, исходящий от обоих мужчин, и не хотела, чтобы Трэ снова было больно.

Он появился примерно через полчаса и занес наверх большую сумку; смесь гнева, разочарования и боли была видна в глазах и по сжатой челюсти. Он застыл как вкопанный, когда увидел меня. Я решила удивить его маленьким представлением в награду за то, что он восстал против своего отца. Я лежала на кровати, приняв позу. Я была на своей стороне, напротив входа, подперев голову одной рукой, на мне не было ничего, кроме длинной нитки жемчуга, которую я унаследовала от бабушки. Жемчуг был накинут на шею и висел между моими грудями.

Трэ просто застыл на месте от шока, уставившись на меня. Он бросил сумку и сделал три шага в мою комнату... нашу комнату. Он стоял передо мной с откровенным взглядом хищника.

— Раздевайся, — велела ему я. Он поспешил угодить, стягивая рубашку через голову.

— Нет. Медленно. Устрой мне шоу, — сказала я. — Тебе нравится смотреть на меня... ну так и мне нравится смотреть на тебя.

Трэ медленно улыбнулся и стал снимать рубашку постепенно, виляя бедрами и двигая торсом. Поначалу он двигался неловко, нерешительно и застенчиво, но потом понемногу все начало переходить в танец. Это не был стриптиз, который можно увидеть в стрип-клубе, но он отдался танцу в полную силу и, боже мой, у него получилось.

Он обернул рубашку вокруг запястий, вытянул руки над головой и напряг мышцы, позируя и изгибаясь. Затем отшвырнул рубашку в сторону и, виляя бедрами, стал расстегивать джинсы. Потом отвернулся и стал снимать обувь и носки, покончив с этим, опять повернулся и начал играть мышцами живота и покачивать бедрами. Стянув джинсы вниз, он полностью снял их и ногой отшвырнул в сторону, не прекращая танцевать.

Это была странная сцена, его «не совсем смешные» милые танцы каким-то образом были для меня сексуальными. Меня возбуждал вид его тела — изгибы мышц и эрегированный член, выпирающий из боксеров. Он дразнил меня, стягивая нижнее белье вниз, а затем натягивая вверх, едва давая взглянуть на его пенис.

Он шагнул ближе к кровати, и я ухватила его за резинку боксеров, перекатилась на живот и притянула ближе к себе. Я стянула его трусы вниз и, взяв в рот головку члена, начала нежно посасывать, дразня и обещая больше удовольствия.

Я толкнула его на кровать — и он упал на спину.

— Ты мне доверяешь?

Он осторожно кивнул.

— Сегодня я хочу попробовать кое-что новое. Просто лежи и позволь мне все сделать. Обещаю, тебе понравится.

Он просто кивнул. Я подошла к шкафу и достала два шелковых шарфика: темно-красный и темно-фиолетовый. Одним шарфом я провела по его груди, взяла его правую руку в свою и завязала конец шарфа вокруг запястья, а другой конец привязала к кровати, несколько раз обернув вокруг столбика и его запястья. Я оседлала Трэ и взяла в руку второй шарфик. Затем потерлась о него мокрой от желания киской, чувствуя, что он затвердел еще больше.

— Ох, пожалуйста, — прошептал он. — Я хочу тебя.

Потянувшись ко мне, он коснулся свободной рукою моей груди и сосков, опускаясь

вниз, пока не добрался до моей киски.

— Ты получишь меня, — сказала я, двигаясь на нем, но не позволяя скользнуть внутрь. — Но я еще не привязала тебя. Ты просто должен доверять мне.

Он качнул бедрами подо мной еще раз, лаская мою грудь, прежде чем в предвкушении лечь на спину. Я как следует привязала его левое запястье.

— Не слишком туго? Это не должно причинять боль, просто удерживать.

Он отрицательно покачал головой:

— Нет, все нормально. Но как я в таком положении смогу что-либо делать?

Я засмеялась, снова сев на него верхом в области колен, его тело предстало во власть моих рук.

— Просто тебе нужно позволить сделать мне все самой, хорошо?

Я погладила его руками, прошлась по бедрам, взяла в ладонь яички, а член с шелковистой кожей погладила пальцем, затем наклонилась, потерлась об него грудью и поцеловала. Я терлась об него всем телом, целуя со всей страстью, на которую только была способна, до тех пор, пока он не начал отчаянно двигать бедрами. Я опять отстранилась, его член уже был влажным от смазки и во всей красе стоял наготове, я склонилась, чтобы поцеловать его бедра и остальные части мужского достоинства, а затем живот и все, что было выше.

Я прижала свой сосок к его губам, позволив взять его в рот, а сама двигалась вперед-назад, игнорируя то, как он двигал бедрами. Я поднялась выше и села ему на грудь, потом опять выше и застыла возле кроватных столбиков, не касаясь его.

— Поцелуй меня, прямо там, — произнесла я. — Коснись языком моей киски.

Я опустилась киской к его лицу и почувствовала, как его язык коснулся складок, лаская нежную кожу. Я охнула от удовольствия, когда он снова погладил их, лаская клитор кончиком языка, двигая им по кругу, как я показала ему делать его же пальцами. Я не могла долго сдерживаться и скользнула вниз по его телу, пока головка его члена не прижалась к моему лобку.

— Ты сделаешь это для меня еще раз, позже? — спросила я.

— Мне нравится твой вкус. И я хочу опять это сделать. Я буду делать это постоянно.

— Хорошо, — выдохнула я.

Я взяла рукой его член, направила во влагалище и сначала ввела лишь на миллиметр. Затем начала двигать бедрами, быстро и неглубоко, чтобы его член стоял в готовом положении. Его дыхание начало учащаться, и он стал двигать бедрами более отчаянно, но я отстранилась, так, чтобы его член оставался во мне, но неглубоко, наклонилась и застыла в этом положении, чтобы внутри оставалась лишь головка его пениса. Трэ дрожал, вздрагивал, пытался вонзить член глубже, и все его движения вверх я копировала с точностью до наоборот. С каждым движением головка его члена касалась моего клитора, и мне пришлось стиснуть зубы, чтобы сдержать стоны, а я была так близка, чтобы кончить.

— Ты меня дразнишь, — произнес Трэ.

— Да, я такая. Я буду делать это до тех пор, пока не станет невыносимо.

— Я больше не могу, — сказал он, натягивая шарфики.

Я просто улыбнулась ему, слегка коснувшись киской головки его члена, не позволяя проникнуть внутрь. Он приподнял бедра, перенес свой вес на ноги, но я отстранилась, приподняв бедра почти до позы йоги «собака мордой вниз». Он опять расслабился, и я наклонилась поцеловать его, упершись ему в грудь и крепко прижавшись.

Он полностью отдался поцелую, мышцы его привязанных к столбикам кровати рук сокращались, а сам он с головой окунулся в страсть наших слившихся губ, забыв на мгновение нашу игру в соблазн, которую я начала. Но я не забыла. Чтобы кончить, поцелуя было бы достаточно.

Я выбрала момент, когда он попытался углубить поцелуй, чтобы опустить бедра и вобрать в себя его член полностью. Наклонившись вперед, я расслабилась, позволяя ему ощутить сладкий вкус нашего соития.

Все это время на моей шее висели бусы из жемчуга, которые нежно ударялись о грудь при движении, — белоснежная нить на загорелой коже. Я наклонилась к Трэ, желая поцеловать, но он воспользовался этим и схватил жемчужину зубами, отчего я застыла в этом положении, боясь порвать нитку жемчуга. Удерживая меня в таком положении, он входил в меня, но делал это не жестко или сильно, а умышленно медленно, ухмыляясь с ниткой жемчуга во рту и в то же время входя все глубже.

Я была на грани.

Я позволила ему взять контроль в свои руки. И дразнила себя так же, как и его. Мне хотелось ощутить его глубоко внутри, но то, что я замедлилась, приятно возбуждало нас обоих. Я опять почти кончила, и он также был на грани.

Он продолжал входить в меня максимально глубоко и медленно, и я начала подстраиваться под его ритм, двигаясь вверх и вниз вместе с ним.

— Развяжи мне руки, — сказал он. — Я хочу коснуться тебя.

Я потрянула головой.

— Позволь мне кончить первой. И тогда я развяжу тебя и ты сможешь касаться меня, как того пожелаешь.

Я не сказала ему, что была близка, так близка к оргазму. Я пыталась контролировать свои реакции, пыталась сдерживать ритм и перестать всхлипывать. Я спрятала лицо в его шее, укусила, не в силах остановить стоны, которые срывались с моих губ, когда он ускорил темп, все сильнее и сильнее вколачиваясь в меня, и тогда... о, боже, стиснув зубы и выдохнув мне в волосы, он опять замедлил темп.

— О, боже, Трэ, не останавливайся! Не сейчас! Я так близка, еще немного, пожалуйста...

Его член полностью вышел из меня, вновь начиная дразнить и едва касаясь головкой влажных складочек моей киски. Я не опускала бедра и не двигалась, ощущая, как от каждого нежного кокетливого прикосновения по моему телу пробегает искра возбуждения. Когда я уже была готова умолять его позволить мне кончить, он приподнял бедра и снова проник в меня, двигаясь мучительно медленно — миллиметр за миллиметром.

Первая не сдержалась я. Опустила киску на его член, крича и прерывая все игры, все замыслы. Я так много раз была на грани, на пике оргазма, но мне не давали переступить эту грань. Теперь, когда его член с беспощадным самозабвением вонзался в мою киску, я достигла оргазма такой силы, на фоне которого все предыдущие просто померкли.

В прошлом, даже с Трэ, я стонала, вздыхала, у меня перехватывало дыхание, я выкрикивала его имя, звала Господа и святые небеса, просила «о, да, трахай меня», но никогда в жизни я не кричала.

Теперь же, откинув голову назад, я в полную силу закричала.

Весь мир поблек, а я обняла руками его шею, сжала изо всех сил, снова и снова насаживая на его член свою киску, не в состоянии себя контролировать. Перед глазами

замерцали звезды, в животе запорхал миллион бабочек, когда член Трэ излился во мне.

Я все еще была на пике своего оргазма, когда Трэ кончил, и это снова позволило мне сойти с ума. Я почувствовала, как его член дернулся, заполняя меня, и извергся внутри, сперма начала стекать между нашими сплетенными телами. Всхлипывая, я произносила его имя прямо в губы. Наши бедра теперь были плотно прижаты, двигаясь в унисон, мы оба кончили и Трэ шептал мое имя с такой же страстью.

— Ох, Шия... О Господи, Шия... — Его голос был хриплым от возбуждения. — Боже, это было... Кажется... Я только что побывал в Раю.

Я приподняла голову, чтобы видеть его глаза.

— Как и я. — Я поцеловала его, нежно коснувшись губами его губ. — Я до сих пор в нем.

Я не хотела произносить последнее предложение, не когда я смотрела на него вот так. Это было слишком, я словно признала свою незащищенность, истину, которая скрывалась в глубинах моей души, за толстыми стенами, которые он, по своей наивности не мог распознать.

Я не была влюблена в него, но была близка к этому. И я знала, что так случится, если все, что происходит между нами, будет продолжаться.

И это повергало меня в ужас.

Я скатилась с него, отвязала его запястья от столбиков кровати и крепко прижалась к нему, отбросив с равнозначной жестокостью в сторону страх и зарождающуюся привязанность. Я попыталась спрятаться и не смотреть на него, понимая, что он мог заметить что-то в моем взгляде или лице, о чем бы обязательно спросил. Он бы задал вопросы, на которые у меня не было ответов.

— Шия? — Его голос был пропитан волнением и сочувствием, так что я не могла его проигнорировать.

— А? — Я подозревала, что он заметил, или, может, почувствовал: я что-то скрывала.

— Что не так?

— Ничего, — соврала я. — Просто я... выбилась из сил. Никогда еще в жизни ничего подобного не испытывала. Не думаю, что смогла бы двигаться, даже если бы попыталась.

— Я тоже, — ответил он. — Но есть нечто большее. Что-то не так. Я могу... не знаю просто чувствую. Возможно, это звучит странно, но я чувствую, что это исходит от тебя.

Я слишком долго колебалась.

— Все в порядке.

Когда он снова заговорил, его голос был пропитан злобой.

— Ты мне лжешь, Шия. — Он не отстранился в физическом смысле, но я почувствовала это на эмоциональном уровне. — Я могу это принять, если ты хочешь... быть со мной. Если для тебя... если это просто... просто секс, я приму это.

Он говорил, смотря в потолок, руки обнимали меня все также сильно, но вот его сердце отстранилось. Я не была уверена, как это произошло, поскольку мы практически ничего не делали совместно, лишь занимались сексом, но каким-то образом я начала ощущать к нему нечто помимо страсти. Он ждал от меня ответа, а я не могла произнести ни слова, только покачала головой, а он вздохнул.

Я пыталась понять, что же произошло. Когда я увидела его в церкви — меня сразу же потянуло к нему. Он был прекрасен: угловатый овал лица, идеальные волосы и массивная фигура от природы, что-то в его глазах делало его более мягким — истинная доброта,

настоящая доброта, которая исходила из глубины души, что было редкостью. Хотя он был наивным и невинным и был защищен от всего, из чего состоял мир, и в частности от жизни; я сомневалась, что он знал, как выжить самостоятельно, без покровительства отца. Сомневалась, что он понимал, что в действительности было настоящей любовью или как заботиться о женщине.

Я не сомневалась, что он мог этому научиться, но боялась того, что именно мне придется научить его, а я и сама нуждалась в ком-то, кто смог бы помочь мне стереть ужасные воспоминания о бывшем муже и просто любить меня как никогда в жизни. Я не была уверена, что готова к такой любви, чтобы подпустить к себе кого-то. Я была абсолютно уверена, что не готова стать благодетельницей и приютить ребенка пастора. Секс был восхитительным, и мы только начали, это больше чем соответствовало действительности. У меня было предчувствие, что если я останусь с Трэ, он кардинально изменит мою жизнь, да так, что мне сейчас сложно было это представить, особенно если судить по последнему оргазму.

Но было ли этого достаточно, чтобы начать отношения? Я знала, что этого было недостаточно. Дэн сделал для меня то, что я делала сейчас для Трэ, и я приняла этот факт за чистую монету. Дэн забрал меня из распланированной мной жизни и показал мир. Он познакомил меня с сексом, выпивкой, наркотиками, азартными играми и путешествиями, изысканными винами и дорогой одеждой, пятизвездочными отелями и частными самолетами, побегами на уединенные пляжи... и, несмотря на это, мы с Дэном трахались как кролики.

Это было ничем иным, как простым бессмысленным трахом, и сейчас, сравнивая прошлое с тем, что у меня было с Трэ, я поняла, что все то и не было таким уж замечательным. Это ничего не значило для Дэна. Хотя поначалу я этого не понимала. Я была слишком молода и невинна, и, честно говоря, слепа, чтобы увидеть правду. Мне нравилась каждая прожитая минута, я чувствовала себя искушенной и женственной, словно обольстительница, настоящая Иезавель. Потом я начала подмечать признаки ошибок Дэна: губную помаду на воротнике, сперму на трусах, которую, как он полагал, я не замечу, аромат духов, которыми я не пользовалась. В итоге я застучала его в нашей спальне с тремя белокуроыми шлюхами, одна из которых делала ему минет, а двух других он трахал, засунув по три пальца им во влагалище. Это было началом конца, хотя мне потребовалось много времени, чтобы поднакопить денег, в которых я нуждалась.

Трэ молча лежал возле меня, но не спал.

— Трэ... я даже не знаю с чего начать. — Рукой я чертила линии на его мускулах, двигаясь все ниже и надеясь отвлечь его; он схватил мою руку и поднял ее выше. — Это не просто секс, могу сказать тебе только это. Хотя, не знаю, что это.

Я оперлась на локоть и посмотрела на него сверху вниз.

— Тебе нужна правда? — Он кивнул, хотя это был риторический вопрос. — Когда я впервые пригласила тебя сюда, я думала, что это будет... просто секс. Я находила тебя сексуальным и хотела тебя. Я... мне нужно было отвлечься. Но на какой-то стадии все начало превращаться в нечто иное. Не знаю во что, правда, не знаю. Ты мне не безразличен. Ты — хороший человек, хороший мужчина, и я так горжусь тем, что ты пошел против воли отца. Знаю, сколько для этого потребовалось мужества.

— Отвлечься от чего? — спросил Трэ, пытаясь раскопать то, что, я надеялась, он упустил.

Я вздохнула.

— От многого.

Он взял меня за руку, и кольцо с бриллиантом, которое я все еще носила, стало переливаться бликами. Я совсем о нем забыла. Это было не то кольцо, которое Дэн мне подарил; то я продала в Новом Орлеане. А это была фальшивка с дерьмовым квадратным цирконием, которое я носила по той причине, что замужние женщины привлекают меньше внимания, чем незамужние. По крайней мере, это было целью. Теперь я стала думать иначе.

— От этого? — спросил он, имея в виду кольцо. — Тебе нужно было отвлечься от этого?

Я поняла: он думал, что я была все еще замужем.

— Я больше не состою в браке, понятно? Я ушла от него. Именно поэтому приехала сюда, чтобы убраться от него подальше.

— Ты разведена?

— Что ж, еще нет. Я выслала ему документы... моему бывшему мужу, когда была в Джексоне. У меня там почтовый ящик. Он их подпишет и дело сделано.

— Если ты не разведена, то все еще состоишь в браке. — Голос Трэ был напряжен и полон злости.

— Нет, Трэ, ты не понимаешь. Я ушла от него. Я не люблю его, а он не любит меня. Между нами никогда не было любви. Это был просто... законный брак. И даже это кольцо не его, оно не настоящее. — Я сняла кольцо и отдала его Трэ, он же стал рассматривать его в лунном свете, который проникал в комнату через окно. — Я носила его только потому, что думала, будто меня примут лучше, если я буду замужней женщиной. Я приехала сюда не для того, чтобы с кем-то встретиться, но затем встретила тебя и...

— Брак — это священно, Шия. Я правда в это верю. Знаю, что мы все это сделали вместе, но я думал... ты сказала... я не знаю... просто думал, что ты в разводе. Это супружеская измена.

— Трэ, пожалуйста, послушай меня. — Я полностью выпрямилась, что сделал и он, поворачиваясь ко мне лицом; я взяла из его рук кольцо и положила между нами себе на ладонь. — Существует два уровня брака, хорошо? Законный и духовный. Нельзя вступить в один, избегая другой. Ты понимаешь, к чему я веду? Законный брак — это просто формальность, которую придумали мужчины, люди. Это касается налога и собственности на имущество и все. Духовный брак, брак между людьми... это совсем иное. Это когда два человека соглашаются, что любят друг друга и хотят провести всю жизнь вместе, разделяя все пополам. Это соглашение, обещание и... какое там слово используется в Библии? Клятва. Это не имеет юридической подоплеки.

— Поэтому технически, по закону, да, я еще замужем, с такой стороны это будет супружеской изменой. Но в плане брака, того, о котором говорится в Библии, когда речь заходить о прелюбодеянии... нет, я не верю, что это то, чем мы занимаемся.

Трэ отвернулся и уставился в окно. Потер виски, поднялся с кровати и начал ходить голышом перед окном взад и вперед. Довольно долго он молчал, обдумывая услышанное. Я дала ему время на раздумья. Создалось впечатление, словно я банально оправдывалась, исходя из того, что ему сказала и, как я полагала, он знал это.

— Я не знаю, Шия. Это словно оправдание. Я имею в виду, что понял о двух видах брака, которые ты упомянула, и теперь, поразмыслив над этим, соглашусь с таким утверждением. Но не могу отделаться от мысли... правильно ли это, даже несмотря на то,

что это просто законный брак, который ничего не значит ни для тебя, ни для твоего мужа, бывшего мужа или как там его назвать? И если это не дешевый бессмысленный секс, то что тогда? Это, прежде всего, секс вне брака и это грех.

— Неужели? И где это сказано? Где написано, что секс — это плохо?

Трэ остановился и задумался, затем махнул рукой, пренебрежительно отгоняя эту мысль от себя.

— Ты оправдываешься. Знаю, я говорил ранее, что меня не волнует, если это неправильно, но теперь все изменилось.

Я положила кольцо на прикроватную тумбочку и пересекла комнату, встав прямо перед ним. Правда я не касалась его. Не хотела сбить его с того, во что он верил. По крайней мере, не полностью.

— Трэ, ты сам должен решить, во что тебе верить. Я считаю, что ты все еще руководишься тем, что тебе привил отец. Во что ты веришь сам? Считаешь ли ты неправильным то, чем мы занимались?

— Что же между нами, Шия? Ты сама сказала, что не знаешь. Я имею в виду, куда это нас приведет? Как долго мы будем двигаться в этом направлении? Это прекрасно и великолепно, и я... Боже, я не хочу прекращать это. Но плохо ли это? Не знаю, внезапно я так запутался. Ты мне нравишься. Действительно нравишься. Наверное, даже слишком. Мое сердце дивным образом бьется, когда я думаю о тебе. Это глупо звучит, знаю, извини. — Трэ повернулся и посмотрел на меня, а лунный свет посеребрил его фигуру. — Я влюбляюсь в тебя? Я едва тебя знаю. Я не... имею в виду, мы знакомы всего три дня. Вообще-то, даже два. И большую часть времени мы провели, занимаясь любовью. Может, я чувствую себя так только по этой причине? Из-за секса? Не знаю.

— Дело вот в чем. Только тебе решать, что ты чувствуешь. Мне нравится проводить с тобой время, быть с тобой. И я надеюсь, ты решишь остаться со мной, но кроме этого не буду пытаться влиять на то, во что ты веришь или что чувствуешь. Если бы я это делала, то была бы не лучше твоего отца.

Трэ опять повернулся к окну, и на его лице четко было видно, что его раздирали сомнения — это выражалось в том, как были сжаты его губы, насколько напряжены были его плечи. Внезапно он стал выглядеть как настоящий мужчина, а не неуклюжий, нерешительный мальчишка, которым он был всего пару дней назад.

— Я не могу вернуться, — немного погодя, ответил он. — Я не могу опять стать тем, кем был. Это не касается того, чтобы вновь стать девственником, а, скорее всего, осознавать то, что мои родители — мой отец — больше не любит меня, и все кажется таким... другим. Словно... словно быть с тобой, заниматься сексом или любовью, как хочешь, так это и назови, изменило то, как я вижу окружающий мир или... то, как я воспринимаю себя и жизнь, и... Господи, все.

— Все в порядке, — ответила я. — В некоторой степени я знаю, через что ты прошел. Я сбежала с бывшим мужем Дэном, когда мне было шестнадцать, почти семнадцать. Помню, как внезапно я стала смотреть на окружающих другими глазами, сексуальными, взрослыми. Даже если ты не испытываешь к ним влечение, все равно смотришь на них иначе, зная, что ты сделал то, что сделал, и это меняет то, как ты все видишь, осмысливаешь и чувствуешь.

Руками я обхватила его за талию; на мгновение он замер, затем его мышцы расслабились, он обернулся и обнял меня, прижимая к своей груди. Моя голова удобно расположилась у него под подбородком, настолько гармонично, словно была создана, чтобы

быть там.

— Ты сердишься на меня за то, что я лишила тебя девственности? — спросила я.

Этот вопрос, опасение возникло в моей голове уже довольно давно. Я ждала, что он ответит, мое сердце тяжело билось в груди и внезапно глаза защипало от слез. Эта встреча была меняющим все ураганом, который возник из моего самоконтроля и стал превращаться в нечто пугающее — во что-то, что так походило на отношения.

— Нет, — ответил он, прошепав мне это на ухо. — Я сделал выбор. Пришел сюда, зная, по крайней мере, в некоторой степени, чего ты хотела, и чего так же хотел я. Когда я переступил порог этого дома, то знал, что перешел некую черту, которую не смогу переступить обратно. Но все равно сделал, и это был мой выбор, Шия. Ты не лишила меня девственности — я отдал ее тебе. И не жалею об этом.

— Просто я не знаю, куда мы движемся. — Эти последние слова он прошептал больше для себя, чем меня, и я не ответила.

Я тоже не знала ответа на данный вопрос.

ГЛАВА 3

Двигатель моей «Ауди» жужжал и размеренно гудел, когда Трэ вел машину по плавному изгибу шоссе. Верх машины был опущен, ветер играл нашими волосами, а солнце согревало нас, пока мы ехали на юг по трассе US-49 в сторону Джексона.

Проснувшись на следующее утро, Трэ принял решение на свежую голову.

— Я хочу уехать, — сказал он за завтраком.

— Уехать? Хорошо. Куда ты хочешь уехать и как надолго?

Наши взгляды встретились, его был напряжен и решителен.

— Я имею в виду оставить Джексон. Уехать, навсегда.

Я была шокирована.

— Хорошо... ладно. Ты уверен?

Он кивнул:

— Я не думаю, что мы останемся вместе, если ты не готова к этому. Я не хочу предполагать, что это... нечто, что может быть совсем иным для тебя.

Я задумалась на пару минут. Осмотрелась вокруг, посмотрела сквозь раздвижные стеклянные двери во двор, где никогда не была. И поняла, что здесь для меня ничего не было. Если Трэ уедет, уеду и я.

— Хорошо, — сказала я. — Поехали. Поехали сейчас. Я соберу сумку, и мы можем ехать.

Он поехал в дом родителей на своей старой F-150, сумку он положил в багажник моей машины. На этот раз я пошла с ним, одетая несколько консервативно: в джинсах и не слишком открытой футболке. Я держала Трэ за руку, пока мы стояли в фойе дома его родителей, как, соответственно, и его отец. Его мать сидела на «ленивом» раскладном кресле, вышивала крестиком простой узор на полотне, натянутом на пальцы. Она не подняла глаз, когда Трэ вошел, не поздоровалась с ним и сделала вид, что вовсе не заметила его присутствия.

— Что тебе нужно? — спросил отец Трэ. — И почему ты привел эту блудницу в мой дом?

Глаза Трэ сузились, челюсти сжались, а пальцы сформировали кулак. Прежде чем я

смогла остановить его, он отпустил мою руку, сделал три больших шага и ударил отца громовым правым хуком. Пастор МакНэбб рухнул, упав на спину, а из его разбитого носа фонтаном полилась кровь.

— Она не блудница, папа, — сказал Трэ сквозь зубы. — И мы пришли попрощаться. Я уезжаю. Навсегда. Лучше так, чем думать, что ты когда-нибудь изменишь свое мнение обо мне и Шие.

Наконец, мать Трэ подняла взгляд, ее карие глаза округлились, руки замерли над вышиванием, а меж дрожащими пальцами застыла игла. Его отец все еще лежал на полу, пачкая кровью белую рубашку.

Трэ ждал, но никто из его родителей не сказал ни слова.

— Хорошо, ничего не говорите. Вы мои родители, и я люблю вас. По крайней мере, хочу любить. Но если вы так консервативны, что отречетесь от меня за это, даже не поговорив со мной или не зная ни черта о Шие... тогда, наверное, так тому и быть. Вы бы никогда не приняли меня, живи я не так, как решили вы.

Трэ развернулся и пошел к двери с непроницаемым и жестким лицом, взял меня за руку, и, не оборачиваясь, сказал:

— Что ж, прощайте. Надеюсь, это имеет для вас значение, потому что вы никогда не увидите меня снова.

Мать Трэ сделала глубокий вдох, ее губы задрожали, вышивка заколебалась в руке. Она встала, потянулась за Трэ тонкими пальцами, словно хотела остановить его. Затем взглянула на своего съездившегося, истекающего кровью мужа, опустила голову и снова села. Я смотрела в апатическом ужасе, как она взяла иглу в теперь уже спокойные пальцы и вонзила ее в белое полотно. Она больше не подняла взгляда, не двинулась с места, чтобы помочь мужу остановить кровь. Она так и не сказала ни слова.

Отец Трэ, пастор МакНэбб, встал, когда Трэ вышел, а я плелась за ним, держа его за руку. Я остановилась, а Трэ резко дернул руку, разжав наши пальцы, и продолжил путь к моей машине.

— Вы дурак, пастор, — сказала я. — Трэ — хороший человек. Запомните мои слова: однажды вы пожалеете об этом. Вы поймете, что потеряли, и захотите его вернуть, но он уже будет для вас потерян.

Потом я тоже развернулась и пошла к машине. Трэ оставил ключи от своего грузовика в замке зажигания, так как автомобиль был подарком его родителей.

В его сумке была одежда на месяц, туалетные принадлежности и потертая Библия из потрепанной черной кожи с позолоченными листами, его имя было написано в нижнем углу: Тимоти Роберт Эван МакНэбб. Он не взял больше ничего. Ни фотографий, ни сотового ни памятных вещей из своей жизни в Язу. Лишь предметы первой необходимости и Библию.

Трэ сидел на пассажирском сидении и смотрел вперед, держа руки на бедрах. Единственное, что выдавало его эмоции, это пульсирующая вена на шее, одна пульсирующая синяя вена.

Я скользнула на водительское сидение, перевела коробку передач на первую скорость, но потом заколебалась, не отпуская сцепления.

— Трэ, ты уверен...?

— Просто поехали.

Я кивнула и медленно тронулась, направляясь к шоссе.

— Можешь остановиться у Джимми? Я хочу попрощаться, — попросил Трэ, не глядя на

меня и оставаясь неподвижным и спокойным.

Я могла сказать, что он кипел внутри, скрывал водоворот эмоций под притворным фасадом спокойствия. Я направилась в сторону дома его друга. Попыталась взять его за руку, но он убрал ее.

— Мне нужно немного времени, Шия, — сказал он. — Прости. Я слишком зол сейчас.

Я просто кивнула и вела машину в тишине.

Джимми смотрел на нас с крыльца, засунув руки в карманы. Трэ вышел из машины и поднялся по ступенькам на крыльцо, чтобы пожать ему руку, я же осталась в машине. Несколько минут двое мужчин и вовсе не говорили, просто обменялись взглядами друзей, которым не нужны были слова, чтобы понять друг друга.

— Я ударил его, Джимми. Сломал ему нос и сбил с ног.

Джимми кивнул:

— Думаю, он сам напросился.

Трэ посмотрел на свою руку, которой ударил отца, будто на ней были ответы на жизненно важные вопросы.

— Я уезжаю, Джимми. И ни за что не вернусь назад.

Акцент Трэ неожиданно стал сильнее, и я поняла, что он старался сдержать эмоции.

Джимми снова кивнул.

— Я знал, что однажды так случится. Особенно после того, как ты встретил ее, — сказал он, указав пальцем на меня. — Она подходит тебе. Я всегда знал, что ты слишком особенный для места вроде этого. Я буду скучать по тебе, приятель, но ты не можешь оставаться здесь. Я это знаю. Теперь иди, убирайся отсюда. Напиши мне письмо или еще что-нибудь, ладно?

Трэ кивнул и, слегка поколебавшись, обнял Джимми. Они обнялись как настоящие мужчины: похлопывая друг друга по спине и стоя на расстоянии фута с гордо поднятыми головами.

— Увидимся, Джимми, — сказал Трэ, отступая назад и спускаясь по четырем громадным деревянным ступеням.

— Нет, — сказал Джимми.

Он полез в задний карман, вытащил складной нож и бросил его Трэ, который тот поймал, посмотрел на него и поднял взгляд на Джимми, будучи шокированным.

— Ты уверен? Это ведь...

— Знаю. Да, думаю, если ты не вернешься, лучше чтобы у тебя было что-то на память обо мне.

Трэ кивнул, отдал честь ножом и скользнул в машину, кивнув, чтобы я трогалась. Я вырулила на грязную проселочную дорогу, и Трэ еще раз помахал рукой, прежде чем мы скрылись из виду. Он уставился на нож, который Джимми дал ему. Это был охотничий складной клинок, длинный и широкий, сделанный из рога и нержавеющей стали. Он выглядел старым, потрепанным, изношенным, но ухоженным.

— Он принадлежал его прадеду, — сказал Трэ после нескольких миль в тишине. — Он хотел отдать его своему ребенку, когда женится.

Он открыл его, пробежался большим пальцем по краю лезвия, кивнул, закрыл и положил в боковой карман.

Мы доехали до трассы US-49, прежде чем его эмоции вышли наружу. Сначала дернулась голова, словно он пытался отогнать надоедливую муху, затем Трэ провел запястьем по щеке.

Я взглянула на него, но он отвернулся к окну рассматривать, как мелькали хлопковые поля, прячась в такой способ от меня. Его плечи затряслись, и он прижал к глазам запястья, словно мог физическим усилием заставить слезы исчезнуть.

Я съехала на обочину и взяла его за руку, переплетя наши пальцы. Трэ старался отстраниться, и я понимала, что он отворачивался от меня из-за стыда.

Я держала его за руку, когда сказала:

— Это нормально — быть расстроенным. Ты оставляешь все, что знал. Не думаю, что расплакаться будет чем-то постыдным. Ты все еще будешь мужчиной, даже если немного поплачешь.

Он отважился посмотреть на меня покрасневшими и блестящими от слез глазами. Я улыбнулась ему в ответ и поцеловала, ощущая вкус слез. Он вздрогнул, задрожал у моих губ и сорвался. Я отстегнула свой ремень безопасности и притянула его к себе, позволяя излить всю горечь. Несколько минут спустя он громко шмыгнул носом, потер глаза и вышел из машины, направившись к хлопковому полю. Я позволила ему уйти. Когда он вернулся, я вылезла из машины и опустила крышу, а сев обратно опять притянула его к себе, но в этот раз прижалась к нему всем телом и жадно поцеловала.

Он ответил на поцелуй, сильнее прижимаясь ко мне и крепко обнимая. Мы оторвались друг от друга только через минуту, не обращая внимания на гудки проезжавших мимо машин, затем Трэ передвинулся на пассажирское сидение.

— Почему бы тебе не сесть за руль? — спросила я.

Улыбнувшись, он кивнул. Я не думала, что он когда-либо водил что-нибудь, кроме грузовика. Он скользнул на водительское сиденье, отрегулировал его и зеркала, перевел коробку передач на первую скорость и машина заглохла.

Я засмеялась:

— Здесь более тугое сцепление, чем на твоём грузовике. Нужно нажать его слегка сильнее.

Он кивнул, завел мотор и попробовал опять, в это раз нажал на газ сильнее и маленькая, но мощная машина сорвалась с места по обочине, пока не набрала достаточной скорости, чтобы влиться в поток машин.

Мы ехали в дружественной тишине: Трэ был погружен в свои мысли, а я — в свои. Примерно через полчаса поток транспорта поредел. Моя рука лежала на ноге Трэ, и я передвинула ее к его паху, пройдясь пальцами по ширинке джинсов. Он посмотрел на меня, на его губах играла вопросительная улыбка.

— Просто езжай, — сказала я ему, улыбаясь. — Переведи в режим круиз контроля.

Он сделал так, как я ему сказала, и наблюдал за дорогой, всего раз взглянув на меня, а потом снова перевел взгляд на трассу.

Я продолжала касаться его, чувствуя, как член под джинсами становился все тверже и упирался в ткань. Теперь мы ехали по пустому шоссе, я расстегнула его джинсы и запустила руку в боксеры. Его наполовину эрегированный пенис удобно расположился в моей руке, затем я провела рукою верх и вниз, от чего член увеличился еще больше. Я отстегнула ремень безопасности, наклонилась и облизнула его, лаская языком головку, словно пробуя его на вкус. Губами я прикоснулась к его члену сбоку и провела ими по всей длине, увлажняя его и одновременно лаская головку круговыми движениями большого пальца. Трэ вцепился руками в руль, пытаясь не двигать бедрами.

Он был твердым, словно камень, в качестве смазки я использовала слюну, после чего

принялась ласкать его член, обхватив рукою, а языком облизывала головку. Когда он застонал и начал двигать бедрами, несмотря на все свои попытки держать все под контролем, я заглотила его член полностью, не прекращая при этом движения рукой.

— Я... я сейчас... — ахнул Трэ, запуская пальцы мне в волосы. — О, боже... Я кончаю...

Я почувствовала, как его член напрягся, а солоноватая жидкость струей излилась мне в горло. Я продолжала усиленно сосать, все еще работая рукой; он издал гортанный стон, двигаясь бедрами в небольших толчках, когда я подняла голову. Он посмотрел на меня сверху вниз, а я облизнула его член намеренно медленно, не прерывая наш зрительный контакт.

Я надела его боксеры обратно, застегнула джинсы и, как только села, снова пристегнулась. Мимо нас проехал автомобиль, и мужчина за рулем понимающе ухмыльнулся Трэ. Женщина лишь закатила глаза и покачала головой. Казалось, Трэ замер от того, что они сделали верные предположения о только что случившемся.

— Ты знаешь их? — спросила я.

— Нет.

— Тогда почему тебя волнует, что они думают? Парню завидно, могу сказать это с большой уверенностью. — Я засмеялась. — Я думаю, она никогда не делала ему минет в машине. Она, вероятно, даже не опускалась для него на колени.

Трэ наклонил голову:

— Нет? Почему нет?

Я снова рассмеялась, понимая, что это было чем-то из числа того, что у него еще просто не было никакой возможности познать.

— Ну, секс — это как все прочее, милый. Не все одинаковые. Некоторым женщинам нравится делать минет, некоторым — нет. Некоторые из них сделают это, если их попросят, а другие — порвут тебя на куски за такое предложение. Это просто личное дело каждого.

— Я не могу представить, как прошу тебя об этом, — сказал Трэ. — В смысле, мне очень нравится, но, кажется, в этом вопросе решать тебе.

— Это мило, Трэ, и я не ожидала ничего другого от такого парня, как ты. И поэтому я продолжу делать подобное для тебя.

— Что это значит? Парня, как я?

— Ну, ты внимательный, благородный и добрый. Ты думаешь обо мне, так же, как и о себе, если не больше.

— Ну, да, — сказал Трэ, будто это было очевидно.

— Не каждый обладает такими качествами. Это редкость, на самом деле. Большинство парней не заботит, чего хочет или что чувствует партнер. Для большинства секс — лишь средство получения оргазма.

Трэ пожал плечами:

— Думаю, меня воспитывали заботиться о других. Мой отец, возможно, был плохим в каком-то смысле, но он привил мне некоторые ценности, которые я считаю достойными.

Я сжала его руку.

— Я согласна. Думаю, когда-нибудь твой отец пожалеет, что оттолкнул тебя.

— Я не хочу больше думать о нем, — сказал Трэ.

Затем воцарилась тишина на несколько миль.

— Шия? Ты... ты занималась всем этим раньше, не так ли? Сексом, я имею в виду.

— Трэ... — я вздохнула. — Да, занималась. Тебе действительно нужно спрашивать?

Он пожал плечами.

— Ну, я знаю, что ты была замужем и что ты старше меня, и в любом случае... ты точно знала, что делаешь. Я просто... Мне неприятна мысль о том, что ты была с кем-то другим. Знаю, ты не принадлежишь мне или что-то в этом роде, просто...

— Трэ, послушай. Да, я делала все это раньше. Я знаю, что делаю, из личного опыта. Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать обо мне, но, по моему опыту, о некоторых вещах лучше не спрашивать. Пожалуйста, пойми, я ничего от тебя не утаиваю. Если ты задашь мне вопрос, я правдиво отвечу. Но, пожалуйста, подумай, прежде чем спрашивать, потому что, когда ты узнаешь, забыть уже не сможешь.

— Были другие, кроме твоего бывшего мужа?

— Несколько, сразу после того, как я ушла от него. Это была легкодоступная связь на одну ночь, которая ничего для меня не значила, и по ощущениям было не так уж и здорово. До тебя, это было довольно давно. Вообще-то, больше года назад.

Трэ кивнул:

— Почему ты ушла от него?

— Это длинная, затяжная история, Трэ, и не из приятных.

— У нас достаточно времени.

Итак, я ему все рассказала. Трэ слушал очень внимательно и не перебивал, пока я рассказывала о Дэне, о том, как он вырвал меня из сонной Саванны и превратил из бедной дочки пастора в жену богатого магната казино, познакомил меня с миром секса и денег. Позволил познать, что такое измена и разница между сексом и любовью. Научил жестоким и болезненным способом, что по ожиданиям Дэна я должна была игнорировать его измены, но отказывался терпеть мои.

Мы въехали в Джексон, когда я закончила свой рассказ.

— Спасибо, что рассказала мне, Шия, — сказал Трэ.

— Ну... и что ты думаешь обо мне теперь? — спросила я.

Прежде чем ответить, он задумался.

— Ну, я думаю, ты была еще девочкой, когда он взял тебя. Знаю, что ты уехала с ним, но не думаю, что ты была в состоянии сделать этот выбор правильно. Я думаю, ты сделала все, что могла, и я рад, что ты оставила его.

На какое-то время он замолчал и взглянул на меня, когда мы остановились на светофоре.

— Он придет за тобой?

Я повернулась к окну, чтобы посмотреть на мелькающие здания.

— Нет, я так не думаю. Я оставила его два года назад и не слышала от него ни слова. У него есть средства найти меня, если бы он захотел. Он такой человек, что может позволить себе оплатить что угодно для поиска человека, где бы тот не находился.

— А что, если придет?

Я вздохнула.

— Давай пока не будем волноваться напрасно, Трэ.

Я указала ему путь до гостиницы, и мы заселились, Трэ занес свою дорожную сумку и мой небольшой чемодан. Я взяла только самое необходимое. Я планировала, что компания по переезду позже все сделает вместо меня. Мы по отдельности приняли душ, и я попросила Трэ красиво одеться, поскольку хотела пригласить его на свидание. Все время, которое у нас

было, мы провели в постели или в моем доме. Мне хотелось побывать с ним где-то, пройти с ним под руку, показать большой город.

Я повела его в «У Ника в Фондрене», и мы провели вечер, смакуя вина, пробуя вкусные блюда и разговаривая. Я поняла, что Трэ недоставало городской искушенности, он более чем проявил желание и заинтересованность познать новое и показал способность заводить различные беседы.

Я поймала себя на том, что разглядывала его, пока мы разговаривали, наблюдала, как двигался его покрытый щетиной подбородок, как светло-карие глаза искрились неутомимой энергией, как его массивные, но нежные пальцы все время стучали по столу или сминали салфетку, или же играли с вилкой, его иссиня-черные волосы постоянно падали на левый глаз, и он убирал их большим пальцем левой руки. Он был одет в синюю рубашку на пуговицах и с короткими рукавами, отчего были видны его обнаженные бицепсы, а рубашка натягивалась на широкой груди. Он застегнул ее почти до ворота, но, прежде чем мы покинули номер гостиницы, я расстегнула вторую пуговку, чуть обнажая взору его гладкую грудь.

Конечно, меня влекло к Дэну. Он был совершенным образцом отполированного шарма, расчетливого нахальства и холеных дорогих манер. Тогда я была всего лишь неотесанной деревенщиной, наряженной в обрезанные джинсы, которые папочка бы не одобрил, но он уже был в могиле, поэтому одевала их, чтобы позлить его за то, что покинул меня. Дэн разъезжал по Саванне и заметил, как я отдыхала в парке на лавочке и читала книгу, и он буквально начал очаровывать меня. Он уговорил меня пойти в его гостиничный номер, возбудил и хорошо обученными руками и губами уговорил позволить ему коснуться меня, а обольстительными речами сделал так, что мне стало интересно коснуться и его, пока не стало слишком поздно. Он уже вошел в меня, вонзался в меня в медленном темпе, что начало мне нравиться после первоначального приступа боли. После этого было легко поверить в его расчетливые обещания и потерять голову от его «Ягуара» и Ролекса, его тирад о многомиллионных квартирах. Я уехала из Саванны в его машине, даже не потрудившись написать записку маме или сестрам.

Трэ... ох, Трэ был совсем другим, полной противоположностью. Он не был таким лощеным и был совсем неопытен в городской жизни. Он рассматривал здания и людей, его очаровал такой крохотный и тихий Джексон. Я представила его в Нью-Йорке или Париже, или Пекине, или Йоханнесбурге, и улыбнулась от этой мысли. Он был таким искренним, хотя его прирожденная доброта была видна во всем, что он делал. Он предпочитал думать, прежде чем отвечать, и его ответы всегда были хорошо составлены и отчетливы. Его отец, несмотря на свою твердолобость и ультраправую моральность, был интеллигентным и образованным человеком, который передал эти качества и своему сыну. В Трэ была жесткость, хотя для него это и было дикостью. Он мог бы кататься на лошадях дома или бродить по туристическим тропам. Он также показал свою опасную сторону, когда ударил отца, который ни в коей степени не был хлюпиком. Когда мы гуляли вдоль Перл-ривер, мне снова подумалось, что Трэ жил впустую в таком городе, как Язу.

Направляясь в гостиницу, мы шли по узкой аллее в поздний тихий час по ночному городу. К нам подскочил юноша, размахивая длинным и ужасным ножом. Ему было около восемнадцати, белокожий; его грязный и поношенный вид, руки в шрамах и худощавость указывали на то, что он был наркоманом. Он выставил нож в мою сторону, угрожая, но не нападая.

— Гони бабки, — сказал он, обнажая желтые и гнилые зубы. — Гони все бабло или я ее убью.

Трэ незаметно закрыл меня спиной, и я охотно спряталась за ним.

— Почему бы тебе не опустить нож — и мы поговорим, — ответил ему Трэ, выставив руки перед собой ладонями вперед.

Его голос звучал спокойно, но я видела, насколько от страха были напряжены его плечи и что он стоял взвинченный, словно пружина.

— Заткнись! — Глаза наркомана сверкали от страха, отчаяния и животного голода. — Закрой свой чертов рот! Деньги или сдохнете!

— Послушай, мы поможем тебе, — продолжил Трэ, делая небольшой шаг вперед. — Просто опусти нож. Тебе окажут помощь. Ты болен. Не нужно нам угрожать.

Все произошло молниеносно, как в кошмарном сне. Юный оборванец кинулся с ножом, нанося удар лезвием вперед. Трэ удалось отбить лезвие в сторону, но на его предплечье появился длинный и глубокий порез. Здоровой рукой он ухватил парня за руку, в которой тот держал нож, и со всей силы вывернул ее, чтобы повредить локтевой сустав. Наркоман визгливо заорал, впадая в панику.

Трэ посмотрел в глаза молодому парню, и я увидела в его взгляде злость и едва сдерживаемый гнев, который подпитывался всплеском адреналина. Он поднял кулак, отвел его назад и ударил парня в челюсть. Зубы заскрежетали, несколько при этом выпали, а изо рта потекла кровь и слюни. Нож упал на землю, Трэ ногой откинул его в сторону и отошел прочь, а тот схватился за челюсть и застонал.

Трэ стал оттаскивать меня с места происшествия, повернувшись к нападающему спиной. Заметив какое-то движение боковым зрением, я открыла рот, чтобы предупредить его об опасности. Толкнула Трэ и ощутила острую боль в плече. Трэ оттолкнулся от стены и сцепился с наркоманом, у которого прибавилось сил от боли и отчаяния. Нападающий прижал Трэ к стене в переулке, поднося нож к его лицу; тот же в свою очередь одной рукой отстранял оружие от себя, а окровавленной второй вцепился противнику в лицо.

Эта драматическая сцена зависла на мгновение, которое показалось вечностью, а затем все быстро пришло в действие. Пальцы Трэ обхватили горло наркомана и стали душить его в безжалостной хватке. Небольшой поворот тела и Трэ оттолкнул нападающего, накидываясь на него с кулаками, словно молотком он бил, бил и бил. Одной рукой он удерживал тело противника в стоячем положении, а другой нещадно его избивал.

Я пришла в себя, выкрикнула его имя и коснулась плеча.

— Все кончено, Трэ! Отпусти его! Прекрати! — Я потянула его назад, оттягивая от обмякшего тела. — Пошли, Трэ. Все нормально. Ты выиграл, он в отключке.

Трэ затряс головой, словно ему необходимо было очистить ее от тумана. Он вздрогнул, уставившись на безжизненное тело у ног.

— Он... я...?

Я опустилась на колени возле тела и прислушалась. Послышался слабый гортанный стон и тяжелое булькающее дыхание.

— Нет, он жив, — произнесла я.

Я вытащила мобильный телефон и набрала службу спасения. Следующие несколько часов прошли как в тумане. Мы ответили на вопросы, нас осмотрели медики: мне наложили повязку на неглубокий порез на плече, а вот Трэ нужно было накладывать швы. Полиция составила протокол, нам было сказано не покидать Джексон, но вряд ли против Трэ

выдвинули бы обвинения, поскольку юношу разыскивали в связи с несколькими разбойными нападениями. Несколько человек он порезал, одного фактически убил, а остальных ранил.

Мы поехали в больницу, где прождали целую вечность в тишине на твердом пластиковом стуле и передвижной кровати; время будто застыло, только больничные часы тикали. В конечном счете, появился больничный персонал: медсестры, анестезиолог и врач — и Трэ наложили двадцать вертикальных швов на предплечье.

Когда мы вернулись в гостиницу, уже почти светало, и мы от изнеможения сразу же рухнули на кровать. Я проснулась от того, что на меня светило послеполуденное солнце, и уткнулась в грудь Трэ. Позволив себе просыпаться медленно, я наслаждалась умиротворением и опьяняющим теплом его тела у своего лица. Некоторое время спустя я выскользнула из постели и долго стояла под душем. Когда же я вышла из ванной, завернутая в полотенце, а от моего тела исходил пар, Трэ уже не спал.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я.

— Словно мне нужно принять душ, — ответил он. — А в остальном в порядке.

— Тогда, он весь твой, — сказала я.

Хотя он не двинулся с места. Его взгляд был прикован ко мне, он наблюдал за мной, поэтому я сбросила полотенце и нагая стала причесываться, не закрывая дверь ванной. Я решила не наносить макияж, поскольку терпеть не могла, когда он размазывался в ближайшем будущем. Когда я почистила зубы, он начал принимать душ, а я разлеглась на кровати, наблюдая за его действиями через открытую дверь. Я чувствовала, как страсть разливалась в животе и переходила на бедра. Он вытерся и почистил зубы, не обращая внимания, что я на него пялилась. Затем вышел из ванной комнаты, обернув бедра полотенцем настолько низко, что были видны V-образные мышцы, тот прекрасный указатель, который вел к мужскому достоинству.

Обнаженная, я ждала его на кровати. Лежала на своей половине, подперев голову рукой. Он медленно подошел к кровати, полотенце оттопырилось в области его члена. Он подошел и стал ко мне лицом, смотря на меня сверху вниз со страстным блеском в глазах. Я не двигалась, моля, чтобы он сделал шаг первым. Его опущенные вниз руки дернулись, и он протянул их ко мне, а я постаралась еще хоть немного сохранять неподвижность, несмотря на то, что отчаянно хотела перевернуться на спину и притянуть его к себе, почувствовать его руки на своем теле, чтобы он поглотил меня, словно я была его добычей.

Он наклонился, поцеловал меня, одной рукой оперся о кровать, а другой прошелся по моему бедру, едва погладил зад, переместился к талии и пощекотал ребра. Ладонью обхватил мою грудь и пальцами сжал жаждущий и затвердевший сосок, теперь уже зная, как именно мне нравилось, чтобы меня касались. Я застонала ему в губы, когда его пальцы с груди переместились ниже, к моей киске, и слегка надавил. Я расставила ноги, предоставляя ему больше доступа, и он ввел два пальца в мою киску. Рукой я раскрыла полотенце и взяла в руку его твердеющий член, который встал в боевой готовности, и застонала, ощутив его тяжесть в ладони, предвкушая, как он войдет в меня, большой и твердый, такой совершенный, который доставит мне удовольствие.

Он начал взбираться на кровать, но я остановила его.

— Я хочу, чтобы ты взял меня сзади, — сказала ему я.

— Сзади? Как в...

Я отрицательно покачала головой, встала, слилась с ним в поцелуе, и пока мой язык танцевал у него во рту, нежно поглаживала его член рукой.

— Нет, не так, подожди, — ответила я. — Я покажу тебе.

Я повернулась и наклонилась к кровати, положив под живот подушку, чтобы приподнять бедра. Трэ прислонил член ко мне, и я закрыла глаза от того давления, которое создавалось от его возбужденного члена на мой зад, когда головка уперлась в анус. На мгновение мне захотелось, чтобы он вошел в меня так, но затем я решила оставить это на другой раз. Никто из нас не был к этому готов, еще не время. Я протянула руку назад и подвела его член к киске, приподнявшись на цыпочки и подавшись назад к нему, чтобы он мог войти в меня.

Я ахнула, полностью заполненная им, влажная и готовая принять его. Он застонал, пульсируя во мне, и начал медленно двигаться — делать пробные толчки. Я стала двигать бедрами в такт его движениям, насаживаясь на него и распаяя. Я выкрикнула его имя, уже запыхавшись. Он начал двигаться жестче, затем наклонился ко мне, обхватив мои двигающиеся бедра руками и притягивая к себе ближе.

Внезапно он замедлил темп.

— Нет! — запросила я. — Пожалуйста, не останавливайся!

— Я скоро кончу, — тяжело дыша, ответил он, — я хочу, чтобы ты... кончила вместе со мной.

Я отвела бедра назад к нему, двигаясь в собственном ритме.

— Я кончу, кончу, обещаю, — сказала я. — Я хочу ощутить, как ты кончишь, как изольешься внутри, глубоко во мне.

Он снова начал двигаться, входя в меня глубже, секундная пауза позволила ему вновь обрести силы. Он продолжал вонзаться в меня, теперь жестче, его руки притягивали меня к себе с нарастающей силой, почти свирепо, что шокировало меня.

— Да, да, Трэ! Трахай меня жестко, — молила я, ловя ртом воздух и постанывая, — мне так нравится, оттрахай меня как следует.

Он подчинился и стал двигаться жестче, пока его член не начал грубо вколачиваться в меня, вонзаясь глубоко, наполняя мою киску под завязку, с каждым движением подводя меня к экстазу. Он кончил громко, излив в меня сперму, выкрикивая мое имя и не сдерживая стоны:

— Шия, Шия, да, Шия!

Его руки грубо и крепко держали меня за бедра, прижимая к себе, пока он кончал. Мой оргазм накатил, когда он стал входить в меня медленными но жесткими толчками, и я смяла руками подушку, когда по телу пробежали небольшие волны удовольствия.

— Не останавливайся, не останавливайся! — сказала я, неистово двигая бедрами ему на встречу и с придыханием выкрикивая его имя в ритме его движений.

Я кончила с бурным надрывом, и он ощутил это, понял силу моего оргазма и ускорил свой исступленный ритм, даже несмотря на то, что уже пересек финишную черту и просто изливался внутри. Он продолжал двигаться, входил в меня уже обмякшим членом, но все еще хорошо растягивая мою киску, подводя томительную волну оргазма к своему восхитительному пику, пока я не начала всхлипывать и замедлила ритм своих движений, мои складочки изнывали от силы его страсти, но в то же время трепетали от пульсирующего удовольствия.

Он поднял меня на руки и легко положил на кровать, внезапно прижав к себе с такой нежностью, с которой всего несколько секунд назад грубо трахал. Наши дыхания были в равной степени сбиты: мы дышали быстро и с одышкой, вспотевшие и уставшие.

Когда я совладала с дыханием, то сказала:

— О боже, Трэ... никогда в жизни меня так не трахали.

— Я не причинил тебе боль? — спросил Трэ, теперь уже со страхом в голосе.

— Это приятная боль, малыш, — ответила я. — Мне понравилось. Мне нравится, когда ты теряешь самоконтроль. Ты никогда не причинишь мне боли нарочно, я это знаю.

— Все же, я сделал тебе больно. — Это не был вопрос.

— Несколько минут там будет немного чувствительно, да. Ты был очень... страстным.

Он смотрел на меня, лежа на другом краю подушки, его глаза были наполнены печалью и чувством вины.

— Мне так жаль, Шия. Мне не следовало... Не знаю, что на меня нашло, я просто... что-то в той позе, я ощутил тебя и просто... потерял контроль. Я не хотел причинить тебе боль, мне так жаль.

Я легла на него сверху и обхватила его лицо ладонями. Его нежность и смиренная боль от мысли, что он мог навредить мне, были слишком сильными, слишком глубокими. Это тронуло мое сердце и разрушило те стены, которые я так старалась возвести между душой и чувствами, зарождающимися по отношению к Трэ.

— Послушай, малыш, — сказала я, позволив ласкательному обращению прозвучать с преднамеренным особым значением. — Ты не сделал мне больно, понятно? Не так, как ты думаешь. Со мной в полной мере все хорошо. Ты был прекрасен, настолько, настолько это вообще возможно. Если бы ты действительно причинил мне боль, я бы тебя остановила. Клянусь. Мне все понравилось. Ты меня слышишь? Мне хотелось, чтобы ты потерял самоконтроль, дал себе волю. Чтобы все было жестко. Ты же слышал, как я просила делать это именно так? Я так говорила, потому что мне это очень нравилось и мне было чрезвычайно хорошо.

Трэ вглядывался мне в глаза, пытаясь понять, лгала ли я, пыталась ли скрыть, чтобы не оскорбить его чувства, или найти хотя бы намек на то, что я просто хотела его успокоить. Я обхватила ладонями его шершавые щеки и заставила посмотреть на меня, стараясь вложить все в свой взгляд. Позволила отразиться конфликту, зарождающейся любви... да, любви... страху — всему этому.

Наконец, будучи удовлетворенным тем, что увидел, он лег на спину.

— Малыш? — спросил он в промежутке между ударами наших сердец в унисон.

Я кивнула.

— Малыш. Сладкий. Дорогой. — Я приподняла голову с его груди, чтобы посмотреть на него. — Я могу еще много назвать.

— Малыш. Никто и никогда не называл меня так.

— Малыш, ты был бесподобен. Спасибо, — сказала я так нежно, насколько это было возможно.

Его грудь поднялась от глубокого вдоха, а я представила, что это его наполняла моя любовь. Я была в ужасе от того, что любила его, а еще больше страшилась того, что он любит меня в ответ. Я знала, что так и было, вот почему это так меня пугало. Мы оба были в неизведанных водах. Я знала как любить не больше его. Я никогда не любила Дэна, а он не любил меня.

— Все равно, я не знаю, что на меня нашло, почему я вел себя, словно сошел с ума.

— Я знаю.

Он изогнул бровь и посмотрел на меня:

— Знаешь?

— Ну, на это повлияло две вещи. Первая — адреналин прошлой ночи, прилив тестостерона и все такое. Ты стал воином перед тем парнем и защищал свою даму, что, кстати, было сексуально. Хотя видеть, как ты дерешься ради меня, было страшно, но, когда я думаю об этом теперь, то от одной этой мысли возбуждаюсь. И второе — думаю, тебе действительно просто понравилось трахать меня в такой позе.

— Это правда было невероятно, — ответил он.

— Хорошо, — вторила ему я. — Можем испытывать эту позу, когда пожелаешь. Мне тоже понравилось.

На какое-то время воцарилась тишина, которую впоследствии нарушил его напряженный голос:

— Я правда изувечил того парня.

На мгновение я задумалась, пытаюсь подобрать самый лучший ответ.

— Ты защищал меня и себя. Он бы убил одного из нас или даже обоих. Ты сделал то, что должен был. — Когда я говорила это, то гладила его по груди. — Полиция тоже не рассматривала все как твою ошибку, это должно тебе о чем-то говорить.

— Верно, — ответил он. — Просто это было так страшно. Я увидел, как он бросился на тебя и поранил ножом, и обезумел.

— Знаю. Это нормально. Это инстинкт. — Я позволила своей руке пройти вниз по его торсу, обхватила пальцами его яички, почувствовала, как они напряглись в ответ на мое прикосновение; скоро он опять будет готов, как и я. — И как я говорила, это меня заводит. Женщине нравится ощущать себя в безопасности, а теперь я знаю, что ты можешь меня и защитить.

Он улыбнулся мне и перевернулся, чтобы поцеловать. Это был долгий, медленный и нежный поцелуй, наполненный новыми ростками любви между нами. В этот раз вместо того, чтобы быстро расцвести и превратиться в похотливый перетрах, мы позволили поцелую вести нас, пробраться в наши души и сердца таким образом, каким бы сексуальная подоплека не смогла. Я почувствовала, как он обнял меня, и осознание того, что он готов был рисковать жизнью ради меня, дало крылья вновь обретенной любви к Трэ.

Не знаю, как долго мы целовались, как надолго потерялись друг в друге — это могло длиться пять минут или пять часов. Все, что я помню, что в какой-то момент Трэ лег на меня сверху и начал изысканно нежно двигаться во мне, его вопрошающий взгляд был прикован ко мне. У меня все еще немного болело там, но он был очень нежен, и я ощущала лишь удовольствие от его любви, эмоции в его взгляде разбивали сердце в то время как он медленно и восхитительно входил в меня. На меня ничто не давило, лишь он скользил глубоко внутри, а затем отстранялся, лишь его губы блуждали по моим губам, моей груди, животу, касаясь и поглаживая. В этот раз мы кончили одновременно, нас накрыла долгая перекатывающаяся волна удовольствия, наше дыхание превратилось во всхлипывания, а сердца сплелись воедино.

Мы опять заснули глубоким сном без сновидений, обняв друг друга, удовлетворенные до глубины души.

Во второй раз, когда я спала с Трэ, меня разбудил яростный стук в дверь. Хотя гневных выкриков не было слышно, но от какого-то первобытного инстинкта мое сердце сжалось.

— Трэ, откроешь дверь? — спросила я, мой голос был едва слышен от страха.

Он не ответил, просто встал, обернул полотенце вокруг бедер и уверенно направился к

двери, сжав кулаки по бокам. Я прижала простынь к груди, испугавшись того, кто был, как я знала, по ту сторону двери.

Трэ закрыл собой дверной проем, но я услышала гневный и знакомый голос:

— Кто, черт побери, ты такой? Где Шия?

Голос Трэ оставался спокойным, уверенным и угрожающим:

— Что вы хотите?

— Мне нужна моя жена!

Я увидела, как Трэ вздрогнул, затем выпрямился и пошел вперед, отталкивая Дэна назад.

— Шия больше не твоя жена, Дэн. Она не принадлежит тебе. Теперь уходи.

Я услышала безошибочный звук отведенного курка пистолета.

— Она всегда будет принадлежать мне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net